ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ПОНИМАНИЕ ТРАНЗАКЦИЙ В КРИПТОВАЛЮТНОЙ СФЕРЕ В ТЕРМИНАХ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ»

Максуров А. А.

кандидат юридических наук, доцент, Школа права, Университет Парижа (Франция), 75005, France, Paris, Arrondissement, Rue Saint-Guillaume, 27, polzovatel.mos@bk.ru

УДК 347.4
ББК 67.404.2

В статье рассматриваются категории «блокчейн» и «майнинг», проблемы правового регулирования криптовалют и токенов как в России, так и за рубежом. Материал представляет интерес в качестве одного из первых экономико-правовых исследований по указанной тематике.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, майнинг, биткоин, валюта.

UNDERSTANDING TRANSACTIONS IN THE CRYPTUAL-SPHERE IN THE TERMS OF THE DRAFT FEDERAL LAW “ON DIGITAL FINANCIAL ASSETS”

Maksurov A. A.

Candidate of Law, Associate Professor, School of Law, University of Paris (France), 75005, France, Paris, Arrondissement, Rue Saint-Guillaume, 27, polzovatel.mos@bk.ru

In the article categories “blockchain” and “mining”, problems of legal regulation of crypto-currencies and tokens both in Russia and abroad are considered. The material is of interest as one of the first economic and legal studies on the subject matter

Key words: Crypto currency, blockchain, mining, bitcoin, currency.

По информации из правительственных источников на сегодняшний день имеется уже несколько законопроектов о регулировании обращения криптовалют.

Вместе с тем, по официальной информации Государственной Думой России будет рассматриваться единственный из них, причем, как мы писали в предыдущих главах, шансы на его принятие достаточно высоки. К его научно-практической характеристике мы и обратимся.

Так, 25 января 2018 года на официальном сайте Министерства финансов Российской Федерации в сети интернет размещен проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» [1].

Сам закон невелик, в нем всего пять статей, причем первая статья определяет предмет регулирования и сферу действия закона, а пятая статья – то, что закон вступает в силу через 90 дней после даты его официального опубликования.

Первым и весьма существенным недостатком является явная «фрагментарность» закона, отсутствие даже изначального стремления к наибольшему

© Максуров А. А., 2018

урегулированию возникших новых общественных отношений, слабая стыковка с существующим материальным и процессуальным правом.

Так, в статье 1 законопроекта указано, что настоящим Федеральным законом регулируются отношения, возникающие при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также осуществлении прав и исполнении обязательств по смарт-контрактам.

В принципе, именно на регулирование проблематики смарт-конрактов и нацелен данный законопроект, названный так широко и «по взрослому». О «цифровом финансовом активе» мы упоминали выше и немного более подробно поговорим в последующем. Здесь же отметим, что «отношения, возникающие при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов» – далеко не все отношения, которые

Не проще ли было воспользоваться веками зарекомендовавшей себя с положительной стороны правовой конструкцией сокращенной «триады прав»: владения, пользования и распоряжения криптовалютой? Насколько существенна (и в каких случаях) разница между «созданием» и «выпуском» криптовалюты? Имеется ли уже такая значительная специфика в «хранении» криптовалюты сравнительно с обычными электронными деньгами?

Показательно здесь и употребление термина «обращение», которое обычно характерно именно для валюты, в отношении некоего актива. В отношении которых обычно всегда речь идет о владении, пользовании и распоряжении (чаще, отчуждении).

Как видим, сфере действия настоящего законопроекта изначально необоснованно заужена и уже в проектном виде не отвечает текущим потребностям криптовалютного рынка. Как мы увидим в дальнейшем, здесь почти ничего нет о сделках с криптовалютой, о тех случаях, когда криптовалюта выступает расчетной единицей или способом обеспечения исполнения обязательств, о срочных (форвардных) контрактах на криптовалюту, о вопросах односторонних сделок, например, наследования криптовалюты, о возможности внесения криптовалюты в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ, о способах оценки ее стоимости, о процессуальных аспектах ее обращения и т.п.

По сути, это законопроект исключительно о смарт-контрактах, да и то недостаточно подробный.

В статье 2 законопроекта идет указание на то, что «цифровая транзакция – действие или последовательность действий, направленных на создание, выпуск, обращение цифровых финансовых активов».

Но так ли это чисто технологически? Видимо не совсем так.

Обычно транзакция – нечто близкое к понятию сделки. По сути, в процессе транзакции – операции или некоей последовательной серии операций (ну пусть, действий, если этого так хочет законопроектант) происходит взаимный обмен информацией. Но здесь понятие транзакции все-таки более информационное, то есть под нею можно понимать минимальную логически осмысленную операцию, которая имеет смысл и может быть совершена только полностью, либо группу логически объединённых последовательных операций по работе с данными, обрабатываемую или отменяемую целиком.

Что означает в этой связи «цифровая транзакция»? Это, наверное, не знает никто, кроме авторов законопроекта. Если уж есть такое желание охарактеризовать транзакцию, то почему нельзя указать «электронная», как обычно и принято в таких случаях?

Теперь разберем проблему с точки зрения законодательной техники.

Итак, транзакция понимается как «действие или последовательность действий» (при указании на «последовательность», видимо, речь идет об операции, хотя прямо это почему то не указывается).

Так вот, как отмечает большинство авторов, правовые действия и операции составляют активную, динамичную сторону социально-юридической или экономической деятельности, точнее говоря, активную, динамичную сторону экономико-юридической технологии блокчейн образуют интеллектуальные и актуализированные во вне действия и операции. Именно в действиях и операциях проявляется *воля* субъектов и участников данного процесса.

С точки зрения психологической теории воля человека проявляется, в частности в том, как и кому он склонен приписывать ответственность за результаты собственных действий. Одной из особенностей деятельности личности являются несовпадение результата активности с ее целями, что и обуславливает необходимость субъекта в ряде случаев решать специфическую задачу – интерпретировать причины ближайших и отдаленных последствий своих юридических действий. Эта задача выходит за границы исходных побуждений человека и представляет собой развитие деятельности, однако, в ходе ее решения рождаются импульсы, значимые для достижения первоначальных целей, вызывая в одних случаях волевые проявления активности, а в других безволие [2].

В сложном волевом действии обычно выделяют четыре основные стадии: а) возникновение побуждения и предварительная постановка цели; б) обсуждение и борьба мотивов; в) решение; г) исполнение [3].

Анализ места и роли в психологическом механизме экономико-юридической технологии волевых актов позволяет определить их (акты) в качестве сознательных, целенаправленных усилий и действий, посредством которых субъект стремиться достичь стоящую

перед ним цель. Подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своими и общественными потребностями и интересами [4, С. 116].

С точки зрения этимологии, действие также – проявление какой-либо энергии, деятельности [5–10].

Видимо экономико-юридическими следует считать такие действия, которые представляют собой внешне выраженные, социально преобразующие и влекущие определенные правовые последствия акты субъектов и участников.

Комплекс взаимосвязанных между собой экономико-юридических действий, объеденных локальной целью, составляет операцию [11] – это и есть внешняя сторона транзакции. Операция – совокупность согласованных и взаимосвязанных по времени действий, проводимых по единому плану для решения оперативных или стратегических задач; отдельная часть технологического процесса [12], разнородные или скоординированные действия, определенные единой целью[13].

В экономико-юридической практике действия и операции играют неодинаковую роль. Их можно подразделить на определенные типы, виды и подвиды по самым различным основаниям.

Прежде всего, нужно четко разграничивать внутренние (психические, сознательные и подсознательные) и внешние (объективированные во вне, вербально или иным образом) действия (операции). По этому поводу в свое время очень образно высказался Г.В. Плеханов. Он писал: «Нельзя мыслью о топоре рубить деревья»[14]. «Воздействия внешнего мира на человека, – отмечал Ф. Энгельс, – запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом – в виде «идеальных стремлений» и в этом виде они становятся «идеальными силами»…» [15]. Как известно, экономико-юридическое значение имеет не «*образ мысли* действующего лица», а реальные практические действия и операции. «Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю в область действительности, – писал К. Маркс, – я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом».

То есть, транзакции здесь – исключительно внешние экономико-целесообразные и юридически-значимые действия и их совокупности (операции).

В праве полагают, что такого рода действия целесообразно подразделять по способу совершения на реально-преобразующие, направленные на прео-бразование объективной действительности; удерживающие, перемещающие или отторгающие, направленные на изменение реальной действительности; гностические, направленные на получение знания об объективной реальности; коммуникативно-организационные, то есть действия по передаче информации и организации; фиксирующие результаты; контрольные, подразумевающие осуществление контроля за предыдущими действиями и операциями.

Транзакции – реально преобращующие действия, однако направлены ли они на создание, выпуск, обращение цифровых финансовых активов? Видимо, нет. Транзакции в данном случае лишь фиксируют возникновение права (исключительно для третьих лиц, само оно уже по сути возникло – по аналогии с авторским правом на созданное, но не обнародованное произведение), либо переход права, что и нужно было указать в данном определении.

Далее в законопроекте указывается, что «цифровая запись – информация о цифровых финансовых активах, зафиксированная в реестре цифровых транзакций». Тоже кривовато и не верно по сути.

Во-первых, почему цифровая, а не электронная (а если в будущем – не цифрами)? Во-вторых, разве запись – это информация? Запись содержит информацию, но сама по себе информацией не является, это форма отражения информации, что очевидно и не юристу. В-третьих, разве там фиксируется «информация о цифровых финансовых активах»? Что это за информация и кому она интересна? Не правильнее ли сказать, что запись содержит информацию об обладателе права и о переходе прав, как любой обычный реестр? В-четвертых, реестр цифровых транзакций – это база цифровых записей (как законопроект и говорит далее), а не информационная база.

Далее законопроект говорит о том, что «реестр цифровых транзакций – формируемая на определенный момент времени систематизированная база цифровых записей».

Почему именно «на определенный момент» – совершенно не ясно. Что это за момент и как его определить? Это момент обращения к базе или момент транзакции? Зачем путать и без того непростой вопрос?

«Систематизированная» – «масло масляное», база она и есть база, системность – ее имплицитное свойство. Еще можно было бы вести речь о матрице данных, но строго в технологическом смысле, юридическое же использование такого термина также вряд ли необходимо.

Идем далее. Законопроект определяет «распределенный реестр цифровых транзакций» – как «систематизированную базу цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра».

Здесь в принципе верно приведено основное свойство системы блокчейн – ее регулируемость самими

пользователями. Конечно, само определение достаточно коряво: «систематизированная база» (а разве информационная база не подразумевает уже изначально, что все данные в ней представлены в виде системы и полностью взаимосвязаны?), опять ссылка на «цифровые транзакции» (выше мы писали уже о том, что это логически неверно), видимо, излишне слово «хранятся», так как создание и означает наличие, если нет вольного или невольного уничтожения, «обновляются» – вообще термин компьютерных обывателей, а не закона, «тождественностью» полное совпадение данных тоже назвать сложно. В то же время, будем снисходительны: такое несовершенство законодательной техники – далеко не самая большая проблема исследуемого законопроекта.

«Участники реестра цифровых транзакций – лица, осуществляющие цифровые транзакции в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций». В общем-то верно, кроме уже упомянутого указания на «цифровые транзакции». Еще вопрос в термине «лица», ведь транзакции может осуществлять и робот.

«Валидатор – юридическое или физическое лицо, являющееся участником реестра цифровых транзакций и осуществляющее деятельность по валидации цифровых записей в реестре цифровых транзакций в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций». Нужен ли такой термин покажет время.

«Оператор обмена цифровых финансовых активов – юридическое лицо, осуществляющее сделки по обмену цифровых финансовых активов одного вида на цифровые финансовые активы другого вида и/или обмену цифровых финансовых активов на рубли или иностранную валюту. Операторами обмена цифровых финансовых активов могут быть только юридические лица, которые созданы в соответствии с законодательством Российской Федерации и осуществляют виды деятельности, указанные в статьях 3–5 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», или юридические лица, являющиеся организаторами торговли в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. №325-ФЗ «Об организованных торгах»».

Наверное, не очень удачно выбрано слово «оператор», но принципиально стремление власти ограничить сделки только на лицензированных площадках профессиональными участниками данного рынка – юридическими лицами, вполне нам понятно, хотя и не вызывает нашего особого одобрения.

Здесь же обратим внимание на такой интересный момент: законопроект почему-то ведет речь только об *обмене* цифровых финансовых активов (включая криптовалюту) на другие такие активы, либо на рубли или иностранную валюту. Но термин «обмен» чаще (обычно даже) используется для сделок по равноценным товарам, когда же платится российская или иностранная валюта речь идет, в силу гражданского законодательства, о *купле-продаже* какого-либо товара, что и есть в данном конкретном случае. Согласитесь, что правила обмена по договору мены и правила покупки по договору купли-продажи – достаточно разные вещи, иногда противоречащие друг другу (если внимательно почитать положения части 2 ГК РФ о конструкциях данных договоров). Соответственно, зачем законодатель заранее закладывает такую мину под будущие правоотношения в сфере криптовалютного обращения – не понятно.

«Валидация цифровой записи – юридически значимое действие по подтверждению действительности цифровых записей в реестре цифровых транзакций, осуществляемое в порядке, установленном правилами ведения реестра цифровых транзакций».

У нас имеются значительные сомнения, что такого рода валидация уже не заложена в технологии блокчейн и поэтому отдельно «городить огород» по этому поводу по меньшей мере недальновидно. Тем более, сама терминология о юридически значимом действии, которое, по сути, осуществляется не человеком и вне его воли, а автоматически в электронной форме вряд ли будет верна.

Литература:

1. О финансовых активах: проект Федерального закона [электронный ресурс]. https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&order_4=P_DATE&dir_4=DESC&is_new_4=1&page_4=1&area_id=4&page_id=2104&popup=Y (дата обращения 30.01.2018)
2. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 12–13.
3. Романов В. В. Юридическая психология: учебник. М., 1999. С. 136.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
5. Беспалов Б. И. Действие. Психологические механизмы визуального мышления. М., 1984. 144 с.
6. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. М., 1994. 256 с.
7. Клиланд Д., Кинг В. Системный анализ и целевое управление. М., 1974. С. 126
8. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 8–10
9. Немов Р. С. Психология: в трех кн. М., 2004. Кн. 1. С. 150–151
10. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 30–37, 61–62
11. Новейший словарь иностранных слов и выражений. С. 584.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ.соч., С. 454.

13. Шестаков В. П. Эстетическое. М.: Искусство, 1964. С. 161.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М., 1955–1974. Т. 21. С. 290
15. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М., 1955–1974. Т. 1. С. 14–15.

References:

1. On financial assets: the draft Federal Law [e-resource]. https://www.minfin.ru/en/document/?id_4=121810&order_4=P_DATE&dir_4=DESC&is_new_4=1&page_4=1&area_id=4&page_id=2104&popup=Y (date of reference 30.01.2018)
2. Kudryavtsev V. N. Law and behavior. M., 1978. P. 12–13.
3. Romanov V. V. Legal psychology: a textbook. M., 1999. P. 136.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M .: LLC “A TEMP”, 2006. 944 p.
5. Bespalov B. I. Act. Psychological mechanisms of visual thinking. M., 1984. 144 p.
6. Shadrikov V. D. Activities and abilities. M., 1994. 256 p.
7. Kliland D., King V. System analysis and target management. M., 1974. P. 126
8. Kudryavtsev V. N. Legal behavior: norm and pathology. M., 1982. S. 8–10
9. Nemov R. S. Psychology: in three books. M., 2004. Book. 1. P. 150–151
10. Kartashov V. N. Legal activity: concept, structure, value. Saratov, 1989. P. 30–37, 61–62
11. The newest dictionary of foreign words and expressions. P. 584.
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu., P. 454.
13. Shestakov V. P. Aesthetic. M .: Art, 1964. P. 161.
14. Marx K., Engels F. Complete Works. M., 1955–1974. V. 21. P. 290
15. Marx K., Engels F. Complete Works. M., 1955–1974. V. 1. P. 14–15.